

18+

ЕВГЕНИЙ ШИБАЕВ

РОЗОВЫЕ ПЕРИПЕТИИ,

или

ЖИЗНЬ В ФАРСЕ

Евгений Шибает

**Розовые перипетии,
или Жизнь в фарсе**

«Издательские решения»

Шибает Е.

Розовые перипетии, или Жизнь в фарсе / Е. Шибает —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-558296-6

Сборник ранее опубликованных произведений. Автор даёт возможность увидеть неповторимое в обыденной жизни, будь то забавная непосредственность детей, вызывающая улыбку, или любовь, как лучик света, пусть недолгая, но единственная, ради которой стоит жить. Все рассказы проникнуты изрядной долей иронии, юмора и магией любви.

ISBN 978-5-00-558296-6

© Шибает Е.
© Издательские решения

Содержание

Яйца с камнями не танцуют	6
Я – сфинкс	7
Дядя Паша, мой первый друг	9
Как Эдик начинал презервативы	11
Пять баллов по математике	13
Как Эдик протиснулся в стройбат	16
Семья, карьера и удача	19
Идиот на службе сыска	20
Печаль	21
Китай: опыт первый	22
Операция «Ус», или Новые приключения Эдика	24
Удивительные рядом: Близнецы	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Розовые перипетии, или Жизнь в фарсе

Евгений Шибает

© Евгений Шибает, 2021

ISBN 978-5-0055-8296-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Яйца с камнями не танцуют

Uova con pietre Non ballano – итальянская поговорка, которую Евгений Шибаев выбрал в качестве заглавия своей книги. Повесть, которая ждёт вашего внимания – это искренний и чувственный рассказ о поколении «новых русских». Главному герою повести, воспитанному «Страной Советов» и выстроившему в той системе прекрасную карьеру, приходится быстро перестраивать свою жизнь в «лихие девяностые», не разрушая при этом свои бывшие «ментовские» связи, оставаясь верным в дружбе, заботливым и любящим мужем... хотя и склонным к изменам. Прекрасно выписаны не только мужские характеры, но и женские судьбы. Автор показывает, как мужчина учится понимать и познавать женщину. А женское счастье – оно может зависеть от внимания близкого и ставшего родным человека, а может складываться и выстраиваться «вопреки всему». Повесть читается на одном дыхании. Приготовьтесь смеяться, цитировать вслух друзьям... А особо эмоциональным рекомендую держать платок под рукой: порой – очень даже «пробивает». Книга – про людей, которых угораздило жить в эпоху перемен.

Андрей Жданов

кандидат педагогических наук,
главный редактор журнала *Magazine*,
Архангельск, Россия

Я – сфинкс

«Что-то с моей женой не так. Какая-то она не то чтобы асоциальная, а, скорее, антисемейная, а ещё вернее – антимужняя», – эти утренние мысли и ещё моё беспросветно-дерьмовое настроение, вызванное безысходностью в супружеских отношениях, привели меня к дивану. И вот я лежу, смотрю в чёрный квадрат телевизора и пытаюсь анализировать семейное бытие на примере вчерашнего дня.

Задача не из лёгких. Пытаюсь отнестись к этому с юмором. Иначе нельзя: не исключён летальный исход. Представляю себя учёным, который ведёт наблюдения за редким видом рептилии, не понятно каким образом выжившей в Палеозойскую эру.

В общем, так. Вчера утром встретились с любимой на кухне. Замечу, что в постели мы с ней давно не встречаемся. Думаю, при желании между нами там можно спокойно уложить слона. «Привет!» – услышал я, и последовала пауза размером в день. Молча развозим детей по школьным и дошкольным заведениям и едем за грузом. В полной тишине, словно гроб везём, а не коробки с обувью, возвращаемся обратно. Кошу глазом на жену. На месте. Сидит... Почему-то вспомнился сфинкс в Египте. Я его никогда не видел. Не интересно. Сидит тот сфинкс тихо и неподвижно много веков подряд на одном месте, с одним выражением лица... Приехали. Лицо жены исчезает вместе с коробками на четвёртом этаже магазина.

Полдень. Я дома. Сервирую стол для обеда на двоих. Слышу – открывается дверь. Пришла супружница моя. Первая мысль – подойти, коснуться. Не виделись несколько часов, и появилось – понятное мне и непонятное ей – желание обняться. Почему «непонятное ей»? Потому что уже был провальным опыт такого моего щенячьего счастья, и именно он удерживает меня от столь рискованного мероприятия. Недавний эмоциональный порыв побудил меня совершить опрометчивый поступок. Жена уходила на работу, и я решил её поцеловать напоследок. Это было что-то! Находка для пытливого, исследовательского взгляда! Нетерпение в её глазах сменялось явным выраженным неудовольствием от непредвиденной задержки. Затем на её лице нарисовалась досада, как если бы она полой пальто зацепилась за гвоздь, торчащий из стены. И вот, «пальто в клочья» – и облегчение от вновь обрётённой свободы передвижения. Для меня это было полное фиаско! Так приложить! Это меня-то, старого сексуального маньяка, в прошлом с лёгкостью бравшего бастионы женской неприступности!

Итак, жена пришла. Слышу: сняла верхнюю одежду. Молча, словно я предмет мебели, проследовала мимо меня к столу и уселась у компьютера. Теперь уже я сам себе – напоминание египетского сфинкса, который уже давно не интересен водителю экскурсионного автобуса, насмотревшегося за туристический сезон на него до тошноты. Наверное, если бы я умер, она не сразу заметила, а если б и заметила, то только когда я запах – и молча вытащила бы тело на террасу, закидав мой труп искусственными, террасными цветами, чтобы я уже никогда не портил её картины мира.

Следующий послеобеденный этап в моей жизни: собирание детей и доставка их домой. Первой привёз из школы дочь. Всю дорогу, пока ехали, дочь молчала со скорбно отсутствующим видом. Мои попытки поговорить были безуспешными, да я особо уже и не пытался. Раньше меня это бесило: «На мне что? Шапка-невидимка?» – возмущался я. Теперь смирился. Всё слишком запущено...

Чёрный квадрат телевизора передо мной стал увеличиваться, постепенно превращаясь в огромную чёрную дыру. «Надо встать, – подумал я, – выйти куда-нибудь, пока она меня совсем не поглотила...» Пришёл в спальню. Смотрю на широченную кровать, на которую можно кучу народа между мной и женой уложить, неважно какого пола (впрочем, для меня важно), и я бы даже был не против... Чувствую, как безумно устал. Надо, что-то делать: «На войну что ли пойти? Лет на пять. Так войны нет!...»

Звонок от жены, с утра ушедшей «делать ногти», вернул меня к дню сегодняшнему. «Дай телефон дочери», – слышу в трубке её голос. Даю. Дочь молча принимает, прикладывает трубку к уху и молчит так около минуты. Затем, не говоря ни слова, возвращает мне телефон. Слышу в трубке вопрос жены: «Ты давал дочери телефон?» – «Да», – и отдаю его снова со словами: «Ты должна сказать „алло“ в трубку, чтобы мама поняла, что ты её слышишь». Девочка посмотрела куда-то сквозь меня и, ничего не ответив, снова приложила телефон к уху, никак себя не обозначив. Третьего дубля я ждать не стал – ушёл и расположился с чашечкой кофе за кухонным столиком. Через несколько минут перед моим носом, едва не в кофе, опустился на стол телефон. Я задумался: «Может, это со мной что-то не так? Может, это я – редкая рептилия?»

Милую свою я увидел уже поздно вечером – и тогда произошёл примечательный эпизод в нашей ярко окрашенной семейной жизни. На прошедшей неделе начал исчезать синий окрас на моих стильных замшевых ботинках. Первой заметила белёсые пятна сотрудница по работе – Таня Клепина. Тут же предложила помощь и через час вернула мне ботиночки как новенькие. Но «замшевая болезнь» не прошла, и я имел неосторожность обратиться со своим горем к жене. Удовлетворения не получил и я снова пошёл к Тане Клепиной, которая снабдила меня спасительным средством. И когда я принёс эту баночку домой, то на полке, где хранилась косметика для обуви, увидел *точно такую же*, купленную моей женой за три недели до этого. На свой недоумённый вопрос («Так ведь у нас всё это в доме присутствует!») получил безапелляционный ответ: «Конечно, присутствует. Тебе просто нужно было мне по-человечески объяснить. Откуда я могу знать про твои проблемы с ботинками?» – Как говорится, приплыли... Тот факт, что «мои ботинки» ходили рядом с ней несколько месяцев, а Таня Клепина – не моя жена, во внимание не принимается. «Грустно, – подумал я. – Хотя в чём тут грусть?»

Я просто забыл, что я уже – сфинкс, реликвия, памятник, интересный только для заезжих туристов и давно сравнявшийся с общим фоном повседневности для тех, кто видит меня каждый день. Водители туристических автобусов и попрошайки-арабы, пасущие возле сфинкса в ожидании подаяний от прохожих, сфинкса-то, кормителя своего, уже давно не видят. И не замечают песок, осыпающийся с его массивных лап...

P.S. Забавная мысль про песок, учитывая, что мне – шестьдесят пять.

Дядя Паша, мой первый друг

Первый настоящий друг появился в моей жизни, когда мне исполнилось пять лет. Друга звали дядя Паша. Это был старый одинокий человек с натруженными мозолистыми руками и всегда грустными уставшими глазами. На морщинистом лице у него была колючая щетина, а из-под шапки, с которой он никогда не расставался, выглядывали седые космы волос. Он работал золотарём – так в те времена называлась профессия ассенизатора.

Родителей своих я почти не видел. Рано утром они уходили на работу и поздно вечером возвращались домой. У мамы часто бывали ночные дежурства: она работала санитаркой в психиатрической больнице. Однажды её привезли на санитарной машине, и она много дней лежала дома. Какой-то псих сильно ударил её по голове, и у мамы случилось сотрясение мозга. Папа работал электриком в совнархозе и постоянно где-то подрабатывал на стороне. Это было трудное, послевоенное время.

Дядю Пашу я очень любил, и, мне кажется, он меня тоже. Утром рано он приезжал со своей повозкой, которую таскала старая, чем-то похожая на дядю Пашу лошадь. У неё тоже были уставшие грустные глаза. Я поджидал их на крылечке деревянного многоквартирного дома, в котором мы жили (именно про такой дом писал Высоцкий: «На тридцать восемь комнат всего одна уборная»). Стоял я на крылечке в сшитой мамой серой телогрейке, или фуфайке, как тогда её называли, и был туго перепоясан кожаным ремнём со звездой. И вот, завидев дядю Пашу, я радостно срывался ему навстречу, он бережно меня подхватывал, усаживал рядом – и мы отправлялись в путь.

Родители не возражали против такой дружбы. Они знали дядю Пашу как хорошего человека, да и я был под присмотром. Уж и не скажу, с чего началась наша дружба. Помню только, что он чистил что-то рядом с нашим домом, я подошёл к мирно стоящей рыжей лошади, погладил её по морде, а дядя Паша предложил покормить её сеном, лежащим в повозке. Я с несказанным удовольствием протягивал пучок сена лошади и наблюдал, как она осторожно захватывает его своими толстыми бархатными губами. Мы разговорились, и я осмелился напроситься прокатиться, а поскольку конюшня находилась недалеко от нашего дома, дядя Паша впоследствии стал заезжать за мной и, с разрешения родителей, брать меня с собой.

Город в то время состоял из одно- и двухэтажных домов с одной центральной улицей. На ней-то и были сосредоточены магазины, два кинотеатра и филармония. По самой середине вдоль всего проспекта были проложены рельсы, по которым изредка ходил трамвай, без которого город больше бы напоминал посёлок городского типа. Дома, улицы и тротуары были сплошь деревянными, и у каждого дома стояло дощатое, известково-белое сооружение известного назначения. И мы с дядей Пашей занимались чрезвычайно важным делом – «наводили гигиену» в городе. Вообще-то в то время подобных повозок было столь же много, сколько, наверное, сейчас машин с шашечками, и каждая ездил по своему маршруту.

Когда я восседал кучером на повозке, то у окружающей детворы вызывал такую же зависть, как если бы в наше время рассекал с дядей Пашей на «харлее» по центральным улицам. Сидеть с дядей Пашей было уютно, он нежно поглядывал на меня и периодически поправлял рогожку на моей спине, чтобы я не мёрз. Мы почти не разговаривали, но нам было очень хорошо молчать вместе. Иногда он давал мне поводья – поуправлять лошадью. Но лошадь в управлении не нуждалась: она и без того хорошо знала свой маршрут. И когда я натягивал поводья и причмокивал губами, как это делал дядя Паша, лошадь поворачивала в мою сторону голову и удивлённо косила глазом.

Когда у дяди Паши был выходной, я шёл в соседний двор, где играли дети крупных начальников. Они жили в единственном в нашем районе кирпичном трёхэтажном доме. Дети были хорошо одеты, у них были дорогие игрушки – у мальчиков машинки, у девочек детская

посуда. Я подружился с одной очень милой девочкой Наташей. У неё были красивые тёмно-каштановые волосы и удивительные миндалевидные глаза. Особенно мне нравилось, как она разговаривает. Их семья раньше жила в Москве, и её московский говорок резко выделялся своим звучанием. Большую часть времени мы занимались тем, что она меня «лечила». Вставляла стебелёк в одуванчик и делала мне уколы сквозь штаны, поскольку гордость мне не позволяла оголяться. Однако после одного случая наше «лечение» оборвалось. Я случайно услышал разговор её родителей: «Мальчик, с которым играет наша дочь, такой вежливый, красивый. Но почему от него всё время каким-то говном пахнет?»... Я перестал ходить в тот двор и всячески избегал встреч с Наташей, хотя она меня искала и даже как-то пришла к нам домой. На её стук никто не ответил, лишь тётя Сима, соседка, поведала госте, что «я уехал с говночистом Пашкой».

Однажды дядя Паша не приехал. Я как всегда стоял на крылечке. Ждал. Время шло, а он всё не приезжал. Я до вечера ходил вокруг дома, вглядывался вдаль, надеялся, что он покажется, но тщетно. Дядя Паша так и не приехал. Вечером от родителей узнал страшную правду: дядя Паша умер. Я первый раз в жизни заплакал. Заплакал от горя. Я раньше тоже плакал, но то были слёзы от содранной коленки или ремня за непослушание, то были недолгие слёзы. А это было настоящее, охватившее всё моё существо горе. Я думал, оно никогда не кончится. Я был слишком мал и не знал, как справиться с этой утратой. Каждое утро я просыпался и мыслями направлялся к крыльцу, к которому должен был подъехать дядя Паша...

Вместо него однажды приехал какой-то другой, совсем незнакомый дядька – забрать хлам со двора. Я подошёл к лошади, она меня узнала, приветливо покрутила головой. Я быстренько сгонял домой за хлебом и протянул ей угощение. «Как ты?» – спросил я. – «Плохо. Ноги совсем никуда не годятся. Глаза плохие, почти ослепла. Устала. Пора к дяде Паше собираться, скучаю я по нему», – вздохнула лошадь. «Да ладно, поживёшь ещё!» – подбодрил я. В этот момент дядька натянул поводья, прикрикнул, и лошадка тронулась в путь. Печальный взгляд её глаз ещё долго не отпускал меня.

Вскоре я пошёл в школу – и там меня ждал сюрприз. За одной из парт, параллельным рядом, сидела Наташа. Она меня тоже сразу узнала. Улыбнулась. Я думал, она подойдёт ко мне на перемене, но она не подошла. Наверное, не простила моего бегства.

В тот день я тоже не решился подойти.

Как Эдик начинал презервативы

В школе у меня тоже был только один настоящий друг, звали его Эдик Колокольчиков. Круглолицый, с наивно-бесхитростным взглядом, вводящим в заблуждение окружающих своей простотой. Эдик был самым маленьким в классе, но, несмотря на свой малый рост, мог всегда постоять за себя, поэтому с ним никто не связывался. Мы жили неподалёку друг от друга, вместе ходили в школу и обратно домой, часто делили досуг.

Учились мы оба так себе, больше дурака валяли. Но если я всё-таки старался вызубрить то, что задавали учителя, то Эдик брал чаще хитростью. Как-то задали нам выучить таблицу умножения – так Эдик взял набор карандашей и все грани исписал этой таблицей. Классы тогда были большие, в нашем 45 человек числилось, и учителя, как правило, знания проверяли контрольными работами. Правда, в первый раз с таблицей умножения у Эдика ничего не вышло. На контрольной он запутался в своих карандашах, разбирался с ними до самого звонка, так и не успев ничего написать, но потом он эту практику довёл до совершенства. Карандаши у него были разных цветов – главное, запомнить цвет, да карманы не перепутать, где какие карандаши лежат. Бумажные шпаргалки-гармошки учителя быстро обнаруживали, а вот проверять карандаши – до такого они не додумались. Да и как додумаешься? Только учитель к парте Эдика подойдёт, так он карандаш сразу в рот вставляет и делает вид, будто в зубах ковыряется. Сергей Петрович, наш физик, однажды даже замечание сделал: «Ты что Колокольчиков, уголь там добываешь?» – «Да нет, дёсны чешутся», – отвечал Эдик. «Понятно, – резюмировал Сергей Петрович, – наверное, зубы скоро вторым рядом выйдут».

Случались у Эдика и серьёзные неприятности с этими его карандашами-шпаргалками. Перед контрольной по химии записал он таблицу Менделеева на карандаши и ушёл гулять. А у Эдика был брат Серёга, на три года старше, очень собак любил. Как-то привёл домой одну такую, породы «двор-терьер». Где уж он её подобрал, не знаю, но это было какое-то стихийное бедствие. Грызла всё, что попадало в зону её доступа. Поэтому вся обувь у них хранилась на уровне посуды, а стулья на столе стояли кверху ножками. Так эта тварь к соседям дыру прогрызла, пока дома никого не было! И вот она, как рассказывал Эдик, запрыгнула на стол, стащила и изгрызла все карандаши с таблицей Менделеева. Серёга домой пришёл раньше и решил, во избежание скандала, быстренько сбежать в магазин и купить новые. Эдик, не открывая коробки, принёс карандаши на химию. Открывает, а таблицы-то нет! Сидит – красный, злой. Пыхтел минут пятнадцать, а потом стал по памяти писать. И ведь написал! Всё вспомнил и первый раз честную пятёрку заработал.

Эдик вообще был очень изобретательным парнем, и шутки его были далеко не всегда безобидными. Придумал он как-то презервативы засовывать в телефонные аппараты, точнее, в окошечко для возврата монет. Когда кто-то не мог дозвониться, то засовывал два пальца в малюсенькое окошечко с закрывающейся металлической крышечкой и забирал свою монетку обратно. Но даже если кто-то и дозванивался, то всё равно, на всякий случай, проверял, не вернутся ли его две копейки обратно – и часто, из-за неисправности автоматов, эти попытки были безуспешными.

Презервативы Эдик таскал из дома. Впоследствии, правда, его мать обнаружила недостачу и закатала папке Эдика такой скандал, что дело чуть до развода не дошло.

Итак, мы с Эдиком клали наживку, устраивались поудобнее в кустах и наблюдали бесплатный спектакль. Многие люди были озадачены столь неожиданным сюрпризом и такой многофункциональностью телефонного аппарата. Кто-то сразу бросал добычу, другие негодовали и возмущались, но находились и такие, кто, подсчитав разницу в цене в пользу презервативов, возвращались снова, клали монету, но потом, разочарованные, уходили, не получив ни подарка, ни денег.

Затем Эдик решил усложнить опыт. Принёс из дома канцелярский клей и с моей помощью, аккуратно, чтобы не запачкаться, заливал клей внутрь презерватива, а затем засовывал всё это в телефон. Реакция людей на мокрый и липкий презерватив теперь у всех была нервной, но нам это казалось забавным. Мужики, как правило, матерились, вытирали руки о траву, словно перепачкались грязными следами чужого блуда. Женщины доставали платки, с изрядной долей отвращения аккуратно избавлялись от подозрительных пятен, а затем, оглянувшись по сторонам, быстрым шагом уходили прочь. Но особое удовольствие нам доставляло наблюдать за молоденькими невинными девушками. Как менялись их оскорблённые лица! Некоторые вскрикивали, словно голыми руками схватились за чужие экскременты. Тут же с гадливым выражением лица пытались сбросить презерватив, но с первой попытки сделать это не удавалось – начиналась суетливая борьба, которая приводила нас в дикий восторг.

Наш звёздный час настал, когда мы увидели, что в сторону телефонной будки направляется училка по русскому из 5 «б» – Аркадия Дормидонтовна. В школе её не любили. Она по каждому поводу «стучала» на учеников. У неё даже кличка была: «Шестерёнка». За малейший проступок или невинную шутку беспощадно ставила двойку, независимо от того, выучил ты урок или нет. Это была злая старая дева, тощая и костлявая, по внешнему виду напоминающая Бабу Ягу. И вот – Аркадия Дормидонтовна заходит в телефонную будку, набирает номер, долго ждёт соединения, и, так и не дождавшись ответа, выскакивает из будки, держа в двух пальцах вытянувшийся и капающий на её одежду мутной жидкостью презерватив.

Аркадия Дормидонтовна впала в ступор. Самое отвратительное, самое мерзкое, что только можно было представить в затворнической жизни старой девы, она держала в вытянутой руке, и мысли отнюдь не романтические роились в её голове. Тут взгляд её упал на землю, где валялось множество других мокрых презервативов, и воображение старой девы принялось рисовать ещё более грязные картинки происходящего в этом зловещем, адовом месте, куда её привело страстное желание доложить в горно о падении нравственности в её школе!

Неизвестно, сколько бы ещё простояла так Аркадия Дормидонтовна с видом человека, про которого говорят, что у него за одно мгновение промелькнула вся его жизнь, если бы не проходивший мимо пьяный мужик: «Ты чего, дура, на гондон уставилась? Первый раз видишь?» – Только тогда женщина пришла в себя, её лицо исказила брезгливая, полная отвращения гримаса, и она принялась яростно избавляться от презерватива. Но не тут-то было. Сбросить липкий презерватив не удавалось – оторванный от одной руки, он тут же приклеивался к другой!

Тем временем со стороны школы стали появляться ученики. «Здравствуйте, Аркадия Дормидонтовна!» – вежливо приветствовали её дети, но, отметив странное занятие учительницы, переглядывались и прыскали смехом.

Аркадия же Дормидонтовна не видела ничего вокруг. Случись в тот момент затмение солнца, она бы и его не заметила. Сосредоточенно, с завидным упорством, почти на грани помешательства, женщина пыталась избавиться от этой гадкой мерзости, свисавшей с её пальцев. Наконец она нашла решение. Со всей силы наступила туфлей на презерватив – и быстрым шагом, почти бегом, устремилась к себе домой.

А презерватив вялой тряпчочкой ещё долго болтался у неё на каблуке.

Пять баллов по математике

В классе я постоянно ловил на себе взгляд Наташи. Сначала я отводил глаза, а затем перестал. Мы оба принялись в упор смотреть друг на друга. Так продолжалось по несколько секунд. Каждый день. Молча. Никогда ни одного слова друг другу. Но эти безотрывные, долгие взгляды были на каждом уроке. Это было какое-то завораживающее, упоительное состояние. Оно стало моей и её потребностью. Никто из нас не решался заговорить, что-то изменить, словно боясь спугнуть это новое, хрупкое, зарождающееся незнакомое чувство.

Так продолжалось все годы учёбы в школе. На переменках она выходила с соседкой по парте Ирккой, безнадёжной троечницей и не очень опрятной девочкой, вечно в мятном мешковатом школьном платье – и они вдвоём прогуливались по просторному коридору школы. Я стоял у стенки и смотрел. Наташа выделялась среди всех учениц. На ней всегда безукоризненно сидела форма, отглаженная, по фигурке. Юбка чуть выше колена, но не настолько, чтобы будить юношескую фантазию. Она не была провокаторшей – в отличие от некоторых, рано созревших для любви девочек нашей школы. Но её ладная фигура притягивала взгляды очень многих мальчишек.

Училась она на «отлично». Наташа была из образованной семьи. Папа работал ректором, а мама преподавала в том же институте. И я, в связи с этим обстоятельством, из кожи вон лез, чтобы тоже учиться на «отлично». Но это у меня получалось плохо. Мысли о Наташе подавляли ту часть мозга, которая отвечала за учёбу. Дело доходило до того, что я не мог усидеть дома. Узнав, где она живёт, по несколько раз за день прохаживался вдоль их дома в надежде её увидеть. Повезло же мне только однажды. Наташа шла с родителями и о чём-то оживлённо беседовала с ними. Меня она не заметила.

Но всё же в десятом классе я получил пятёрку по своему самому нелюбимому предмету – математике. Нелюбовь к «царице всех наук» корнями уходила в первый класс. С цифрами у меня сразу жизнь как-то не заладилась. Если меня поднимала в классе учительница, дело это было бесперспективное. Она могла дожидаться ответа до звонка на перемену, но так и не дожидаться.

Наш класс вела Дарья Сергеевна. В школе она работала давно, но ребята её не любили. Уроки были скучными, и мы с нетерпением ждали окончания занятий. Дарью Сергеевну можно было назвать красивой женщиной, если бы не её вечно недовольное лицо. Мы никогда не видели, как она улыбается, а разговаривала она с нами всегда с сарказмом. Наверное, её бросил муж, а вторую половинку она так больше и не нашла...

Итак, начался урок математики. Взглядом Дарья Сергеевна принялась обводить класс. Эдик залез под парту «в поисках карандашей», которые сам же и столкнул, остальные, сделав нарочито равнодушные лица, водили глазами по сторонам. Взор Дарьи Сергеевны упал на меня, и она произнесла: «Антон Петров». Нехотя и не спеша, я поднялся в надежде дотянуть до спасительного звонка на перемену. Я стоял с глубокомысленным видом, морщил лоб и слегка шевелил губами. Весь класс ждал. Ребята-то вроде ничего, они даже рады были ждать хоть сколько, а вот учительница нет. Она нетерпеливо стучала пальцами по столу и хмуро закатывала глаза к потолку. Я тоже, глядя на неё, закатывал глаза и тяжело вздыхал. Так мы и стояли, время шло, но ничего в нашей диспозиции не менялось.

«Ну, ладно, я не спешу, времени у меня много», – молвила Дарья Сергеевна. Она подошла к окну и принялась смотреть в облачное небо, мысли её унеслись куда-то вдаль. Она стояла и мечтала о том, что где-то живёт её половинка, живёт и не знает о ней. И как она могла быть счастлива, если бы они нашли друг друга. У них мог родиться тоже какой-нибудь «Петров», и она любила бы его без памяти и кормила вкусными оладьями со сметаной, готовить которые её научила бабушка в деревне... К реальности женщину вернул чей-то смех. Она повернулась

и увидела, что Петров всё также стоит за партой и всем своим видом изображает глубокий мыслительный процесс. На самом же деле я думал о том, как приду домой, мать возьмёт дневник, увидит «двойку» и денег на кино уж точно не даст, а мне так хотелось посмотреть новый фильм про ковбоев, о котором восторженно гудела вся ребятня.

Первой не выдержала Дарья Сергеевна: «Ну, ты, Петров и тугодум! Садись! Два!» – но я продолжал стоять. Дело в том, что пока я стоял и размышлял, Витька Сметанкин всё моё сидение обмазал своими соплями. У него был постоянно насморк, и он свои сопли клеил везде, где только можно. Зная это, даже учителя подходили к своему стулу, или столу, словно к минному полю и только после тщательного осмотра приступали к своим служебным обязанностям.

Наше противостояние с Дарьей Сергеевной продолжалось: «В чём дело, Петров? Ещё повспоминать хочешь? Садись же уже. Ответишь... в другой жизни!»

Витьку закладывать мне не хотелось. У нас это не приветствовалось. А если кто-то так делал, то становился изгоем. Я продолжал стоять. Дарья Сергеевна вопрошающе смотрела на меня. Затем нервно встала и с металлом в голосе приказала: «Садись я сказала!».

«Я не могу, – робко произнёс я. – Мне нужна промокашка».

Дарья Сергеевна с подозрением вскинула на меня глаза: «Зачем тебе, Петров, промокашка?»

Вдруг в полной тишине класса раздался голос Саньки Перепёлкина (Санька учился второй год в одном классе, слыл грубияном и матерщинником): «Он обосрался!»

Класс взорвался смехом. Я же залился краской. Стал примеряться к краешку сидения, но не рассчитал и грохнулся на пол. В классе стало ещё веселее. Некоторые от смеха чуть сами не падали следом за мной.

В это время звучит звонок, и Дарья Сергеевна быстрым шагом, чуть ли не бегом, вылетает из класса. Ко мне подходят ребята, все двоечники жмут мне руку...

И вот – я понял, что у меня появился шанс. Математику стала вести Ольга Константиновна, стажёрка из пединститута. Я там бывал на танцах. Надо отметить, что вне школы я был совсем другим – как бы компенсировал свою школьную зажатость подчёркнутой наглостью. Много внимания уделял внешнему виду. Набриолиненные, зачёсанные назад тёмные волосы, немного папиного одеколона и, конечно, одежда. С детства я был весьма избалованным и залюбленным ребёнком, к тому же мама всячески поддерживала моё желание модно одеваться. Для меня были куплены мамой английские лаковые остроносые ботинки вишнёвого цвета – и такого же цвета костюм в полоску, сшитый на заказ в ателье по фотографии из одного модного журнала. Всё это придавало мне самоуверенности. Более того, я был дерзок, раскован, а порой и просто нахален. Нахален до такой степени, что не раз был бит за своё пристрастие снимать сливки с девичьего общества. Все симпатичные девушки давно были поделены между «своими», а тут нарисовался какой-то чужак и пытается разрушить устоявшийся порядок...

Пединститут в этом плане был местом совершенно безопасным. Да и девушек симпатичных там было столько, что хватило бы на всех – и ещё осталось!

Миловидную стажёрку я заметил сразу. Невысокая, с красивыми, немного раскосыми глазами и большой грудью. Направился к ней из дальнего угла зала, чтобы она могла лучше рассмотреть, какой «подарок» идёт к ней в руки. Пригласил на медленный танец. Наверное, я ей понравился, так как она ко мне прижалась так, что у меня дух перехватило. Тогда мы ещё не знали, что я – её будущий ученик, а она в скором времени – моя учительница.

В классе она меня узнала сразу. Я взял с подоконника горшок с цветами, галантно поставил на учительский стол и попросил не спрашивать меня сегодня, потому что у меня – «умерла любимая тётя». Эта рязановская фраза вызвала у неё улыбку, но «сработало». Ни в тот день, ни в последующие дни она меня не поднимала и к доске не вызывала.

Но я решил пойти дальше. Подходила к концу вторая четверть, и я решил получить пятёрку за полугодие по её предмету.

Закончился последний урок, ребята выходят из класса, двое парней замешкались – я предложил им ускориться, – и парни с понимающей ухмылкой быстренько удалились.

Ольга Константиновна собрала в стопку тетради для проверки, сделала записи в журнале и уже собиралась выходить, когда я подошёл к ней и попросил присесть для разговора.

Она почему-то не стала садиться, подошла к графину, налила стакан воды и стала пить.

Я подошёл к ней и решил обратиться по имени-отчеству, несмотря на то, что мы были одни, и я ранее не раз обращался к ней по имени:

«Ольга Константиновна! Вы как умная женщина, конечно, не могли не заметить моего обаяния и того обстоятельства, что мой шарм валит всех наповал, – это была моя коронная фраза при знакомствах и сбавывала она безотказно. – А по сему, я, как никто, заслуживаю получить пятёрку за четверть».

Ольга Константиновна, услышав такую запредельную, обескураживающую наглость, поперхнулась водой – да так сильно, что я чуть было не пожалел о сказанном. Но через минуту она пришла в себя, рассмеялась, и я понял, что девушка оценила экстраординарность моего остроумия... И вот – результат моего недолгого флирта: единственная пятёрка, по математике, украсила мой дневник.

А через шесть месяцев наступил выпускной вечер по окончанию школы. В центре спортивного зала накрыт стол со всякими вкусностями. Играют приглашённые музыканты. Ребята кучкуются по углам: девочки с девочками, мальчики с мальчиками. Смех, шумные разговоры, робкие попытки начать танцевать – и я ловлю на себе снайперский взгляд Наташи с другого конца зала.

Вдруг вижу – она направляется ко мне. Ну, думаю, сейчас-то всё и случится: Наташа признается в любви ко мне.

Наташа подходит, и я слышу такое, что у меня земля поплыла под ногами: «Ты – засранец, debil, тупица!...»

Дальше я слушать не стал. Медленно попятился и, забыв в раздевалке куртку, в глубоком расстройстве ушёл домой.

Как Эдик протиснулся в стройбат

Вместе со мной школу закончил и Эдик. Но время для него как будто остановилось. Он словно в пятом классе остался – маленького роста, щупленький, имел симпатичное личико, на которое спускалась тривиальная чёлочка, как у горниста-пионера с настенного плаката из прошедшей эпохи, и бесхитростный пытливый взгляд красивых карих глаз. Он производил впечатление мальчика, которого мама – а он жил вдвоём с мамой, – недавно стала отпускать самостоятельно погулять на улицу. Но впечатление это было обманчивым. Эдик был очень крепкий духом, обладал самурайской отвагой, и это делало его гораздо более успешным бойцом в любой дворовой схватке, чем если бы он обладал горой мышц. Сразу после школы он закончил курсы сварщиков и начал работать на стройке – там-то ему и вручили повестку в военкомат.

В военкомате его направили на медицинскую и призывную комиссии, которые, ради экономии времени, проводились одновременно в самом большом помещении дома культуры. В зале собралось множество обнажённых призывников, смущенно прикрывавших свои причинные места. Им впервые в жизни пришлось оголиться столь большой компанией и выстроиться перед значительным количеством одетых людей обоего пола.

Обе комиссии работали бойко, ребята проходили их быстро, нигде особо не задерживаясь. Задержка случилась лишь на этапе взвешивания, когда на весы вступил Эдик. Стрелка не шелохнулась.

Эдик закричал: «Стрелка на весах не шевелится!»

Шкафообразный старлей, помощник военкома, лениво поднялся со стула, подошёл к Эдику, смерил его взглядом, посмотрел на весы, и его лицо исказила брезгливо-кислая гримаса: «Какой материал приходит Родину защищать!» Стукнул костяшками пальцев по шкале весов, стрелка дрогнула, но тут же успокоилась, замерев на отметке «51». Старлей на всякий случай ещё раз стукнул по весам, но стрелка замерла окончательно.

«Охренеть можно, – воскликнул помощник военкома, – если бы ты посрал, то и в армию не попал бы!» (по закону, новобранцы с весом менее 50 килограмм призыву не подлежали.)

«А можно сейчас?» – сделал наивное лицо Эдик. Старлей аккуратно записал цифру в свой документ и ехидно улыбнулся: «Вот теперь – можно».

Дальше Эдику надо было по очереди подойти к каждому члену призывной комиссии и ответить на их вопросы. В комиссии за длинным столом сидели: с краю – высокоидейная комсомолка, первый год возглавлявшая районный ВЛКСМ и впервые увидевшая перед собой такое обилие голых мужских тел; важная от своей значимости, чопорная инструкторша райкома партии, дама средних лет; за ней – уже упомянутый здоровенный детина-старлей, помощник военкома; и – милиционер из уголовного розыска. Возглавлял комиссию военком, матёрый и хмурый подполковник, который, на основании медицинских карт и мнений членов комиссии, принимал решение, где кому служить.

У каждого из них были свои задачи. Милиционер выяснял, не было ли у призывников криминального прошлого, и если было, то какое. Комсомолка и партийная инструкторша, высокая идейность которых неплохо сочеталась с безыдейностью в политике пополнения кадров, спрашивали, не желают ли молодые люди вступить в партию или комсомол перед армией, намекая при этом на сразу возрастающие шансы попасть в «хорошие войска». В советской системе планового хозяйства даже в идеологических органах существовал план, и от его выполнения зависел карьерный рост бойцов идеологического фронта.

Отсутствие штанов у совсем зелёных пацанов не располагало их к проявлению излишней любознательности. Ребятам хотелось как можно скорее пройти эту унижительную процедуру, и они быстро соглашались «вступить», даже толком не осознав «во что». Некоторые от усер-

дия писали заявления и туда и туда, внося изрядную неразбериху в отчётности обеих дам. Так в прежние времена в годы войны попы спрашивали у бойцов, не хотят ли они креститься перед боем, и все некрещёные моментально соглашались. Стресс быстро делает людей сговорчивыми.

В общем, дело по приёму новых членов у проворных дамочек шло бойко, пока очередь не дошла до Эдика. Тот подошёл к столу и, не зная, перед кем первым держать ответ, вежливо спросил, куда идти дальше. Милиционер, до этого не раз отпускавший шуточки в адрес раздетых призывников и слышавший разговор старлея с Эдиком, решил в очередной раз показать своё остроумие и широким жестом указал – заговорщицки подмигнув старлею, – на зазор между столом и восседающими за ним членами комиссии.

Эдик, способный на мгновенные и нестандартные решения, предпринял неожиданный для всех ход. Сделав вид, что не понял шутки, он изобразил на своём лице маску идиота и начал старательно протискиваться между массивным столом и комиссией, расположив своё голое тельце к столу задом, а к специалистам по призыву передом. Сначала он переполз через ноги залившейся краской и сделавшей круглые глаза комсомолки. Затем замешкался и начал ёрзать в полных ногах потерявшей дар речи и свою чинную важность инструкторши.

Его отважный переход через ноги идеологов остановил побледневший гигант-старлей: «Ты чего? Дебил? Совсем больной на всю голову? Ты куда со своими яйцами лезешь?!»

Эдик, с крайней степенью кретинизма на лице, растерянно спросил: «А куда мне их девать-то?» – бережно взял их в ладони и тупо уткнулся печальными глазами олигофрена в колени обалдевшей чиновницы, с намерением продолжить путешествие, но уже держа тетикулы в руках.

Обе дамы, решив, что их ждёт продолжение посягательств этого явно нездорового парня на их «комиссарские тела», если он решит двинуться обратно, шарахнулись от голого Эдика как от чумного и, забыв отодвинуть стулья, дружно завалились на пол.

«Да тебя, придурка, не в армию, тебя в психушку надо!» – молвил старлей, перегнулся через стол, сгрёб Эдика и как игрушку переставил по другую сторону стола.

Комсомолка в ужасе поправляла задравшуюся юбку, а партийная инструкторша, растерявшая весь свой годами обретаемый лоск, тут же начала судорожно шарить руками под столом, пытаясь отыскать выпавший во время падения шиньон из её причёски «а-ля пирамида Хеопса». Наконец, она его нащупала, выдернула из-под сапога милиционера и выскочила, как ошпаренная, из зала.

Новобранцы, наблюдавшие весь этот цирк и сгрудившиеся возле противоположной от стола стены, давились от смеха и злорадно переводили глаза то на растрёпанных женщин, то на шутника милиционера. Последний виновато поглядывал на военкома, который, в свою очередь, злился на мента, по вине которого случилось всё это представление. Подполковник уже рисовал в своих мыслях, в каких выражениях и оценках инструкторша нажалуется первому секретарю райкома партии, и тот будет звонить военкому и отчитывать его за «непартийное» поведение и нанесение урона авторитету партии.

Вопросов Эдику никто не задавал. Военком быстро принял решение: «Этого – в инженерные войска!». Эдик, было, заикнулся: «А в комсомол принять?» – но все сделали вид, будто не расслышали вопроса.

Не чувствуя подвоха, Эдик удовлетворённо вздохнул и улыбнулся, довольный тем, сколь безошибочно оценили его способности и сразу в «умные войска» определили. Но через пару минут его хорошее настроение уступило место беспросветной тоске. Он сидел на скамье среди бывших уголовников – с синюшными от лагерных татуировок руками и общающихся меж собой на своём блатном языке. Всех их тоже определили в «умные войска» под названием «стройбат», которые командиры, в издёвку, называли «инженерными».

По прибытии в воинскую часть, Эдик получил новенькую форму и сапоги. Ему отвели место в казарме по соседству с каким-то служивым, более похожим на уголовного авторитета, который тут же приглядел новенькую обувь Эдика и уверенным движением ноги подвинул сапоги к себе.

Эдик подсел к нему – и тихо, чуть ли не в ухо, произнёс вкрадчивым голосом: «Верни на место сапоги. Я ведь сварщиком работал, с электродами дело имел, у вас тут этого добра хватает. Я ночью встану, заточу электрод и тебе в сердце воткну. Дырочка будет маленькая, а несчастье твоё будет большое, так как там, где ты окажешься, сапоги тебе мои не потребуются. Бахилы там нужны будут белого цвета, а их у меня нет», – произнёс это Эдик таким тоном, что трудно было не поверить, что именно так он и поступит.

Уголовник по опыту знал, что недомерки – они самые опасные, их-то и стоит бояться больше всех. Недаром все убийцы, что сидели на нарах в его колонии, все были маленького роста и невзрачной внешности. Бывалый молча отодвинул от себя сапоги Эдика, и впредь ни он, ни другие такие же, имевшие тёмное прошлое «инженеры», Эдика не трогали.

Годы службы для Эдуарда шли быстро, однообразно и неинтересно.

Да и какими они ещё могли быть? Войска-то – «инженерные»!

Семья, карьера и удача

С Ларисой я познакомился, когда нам обоим было лет по семнадцать. Случилось это в Московском университете, где мы учились на юридическом факультете. У нас играли гормоны, и всё свободное от учёбы время мы боролись с ними на арендованной моими родителями квартире. В восемнадцать лет мы поженились, и Лариса переехала ко мне.

У меня была красивая жена. У меня не могло некрасивой жены. С детства я много читал. Читал всё подряд, но с определённого возраста только те книги, где главной героиней была женщина – вникал в её психологию, мысли и желания. И всегда это была – очень красивая женщина.

Мы были совершенно разные – как внешне, так и по характеру. Она – среднего роста, блондинка, я на две головы выше, брюнет. Лариса – ярко выраженный холерик. Правда, её резкость и вспыльчивость нивелировались очаровательным личиком в обрамлении всегда красиво уложенных густых и светлых волос. Я – спокойный и уравновешенный сангвиник, всегда стремящийся найти в спорах компромисс. Родителей у Ларисы, когда мы познакомились, уже не было. Мама умерла от рака молочной железы, а вскоре за ней последовал и папа, не перенесший утраты. Из родственников была только сестра Ольга, она после неудачного замужества жила в одиночестве на унаследованной от родителей даче, которая, скорее, смахивала на родовое имение.

Студенческие годы пролетели быстро, и мы начали строить свои карьеры в милиции, куда были направлены сразу после окончания университета. Я стал служить в уголовном розыске, Лариса ушла на «следствие». Через два года она родила замечательную Машеньку, а я, не успев насладиться отцовством, был командирован на курсы подготовки начальствующего состава при академии МВД СССР, по окончании которых меня отправили служить советником в Афганистан, где шла война. Вернулся в звании майора, которое мне досрочно присвоили за участие в боевых действиях, и был назначен на должность заместителя начальника по политико-воспитательной работе в транспортный отдел милиции.

Свою мирную работу я начал с решения квартирного вопроса. Узнав, что квартир в отделе никто никогда не получал, я направился к начальнику пароходства, которое обслуживалось отделением милиции, где я работал, и нашёл очень убедительные слова для решения злободневного квартирного вопроса. После разговора в пароходстве тут же написал заявление на получение квартиры у себя на работе и зарегистрировал это заявление у секретаря – под номером один. Через пару месяцев пароходство *неожиданно* выделило одну двухкомнатную квартиру на отдел, а поскольку я стоял в очереди первым, то мне, несмотря на всеобщее недовольство старослужащих, отслуживших по десять лет и более, она и досталась. В тот же день заявления на получение квартиры написали все, включая уборщиц, но квартиру больше так никто и не получил.

Ещё через полгода я написал заявление на получение машины. Схема была прежняя: поход к начальнику пароходства, регистрация заявления – и вот вожаемая вишнёвая «девятка» стоит у отдела. В «брежневское» время получение машины было событием чрезвычайным, и число недовольных молодым замполитом зашкаливало. Один из милиционеров даже написал донос, приезжала комиссия из МВД, проверила законность получения квартиры и машины, но, не обнаружив ничего криминального, уехала обратно.

На Новый год пароходство, уже без моего участия, выделило на отдел один видеомонитор, что тогда тоже было из области мечтаний. Собрание коллектива решило, что больше никаких заявлений рассматриваться не будет, и «видак» разыграют в лотерею. И вот, приходит время розыгрыша – и я вытаскиваю счастливый билет на право владения видеомонитором, – под нервный хохот и скрежет зубов моих сослуживцев.

Идиот на службе сыска

Все эти годы я не терял связи с Эдиком. Рассказывал ему о себе, в том числе и о своей работе. И Эдик решил пойти по моим стопам.

В милиции работу ему предложили – с учётом его внешних данных – в секретной службе. Он должен был вести наружное наблюдение за правонарушителями, а там очень ценились скрытность и незаметность. Сотрудники этой службы выбирали себе образы дворников, маляров, почтальонов и прочих «маленьких людей».

Эдик выбрал образ идиота. Он имел незаурядные актёрские способности, и когда возникал возле места проведения сходки воров – в старой, рваной и задрипанной одежонке, с блуждающим безумным взором и беспрерывно текущей изо рта слюной, – в этом городском сумасшедшем никак нельзя было заподозрить переодетого милиционера.

Эдик подошёл к формированию образа основательно: изучил соответствующую медицинскую литературу и знал, что идиоты не могут контролировать слюноотделение и мочеиспускание. Но Эдик рассудил, что мочиться в штаны точно не будет, а вот слюни пускать – так это сколько угодно.

Первые проблемы появились, когда его стали узнавать знакомые. Им сразу хотелось ему помочь – сообщить в социальную службу, вызвать врачей, сбежать домой за хлебом, чтобы покормить несчастного... И вот однажды, насмотревшись на бедного Эдика, его давние друзья, с которыми он не раз проводил вместе досуг, не выдержали и вызвали психиатрическую помощь. Приехала машина, а поскольку Эдику «спалиться» было никак нельзя, он послушно сел в «скорую» и через час ходил по коридору психушки в новенькой одежде с пуговицами на спине – среди «таких» же, как он, но только настоящих.

Помощь пришла вовремя. Как раз, когда время уколов подходило, подъехали так называемые «опекуны» и увезли Эдика «домой».

На следующий день у Эдика состоялся разговор с начальником:

«Надо мне образ менять, а то я уже много где „насветился“, да и перед знакомыми неудобно», – заявил Эдик.

«Ладно, не переживай, скажешь, что вылечился. С кем не бывает? И вернёшь снова своих друзей», – ответил ему начальник и добавил: «В общем, так, ты хорошо поработал, переведём тебя в отдел экономических преступлений. Ты только учись, у нас нельзя без юридического образования. И семьёй обзаведись обязательно. Девушка-то хоть есть?»

«Да откуда? – расстроено произнёс Эдик. – Я настолько глубоко вжился в роль, что когда прихожу в ресторан с кем-нибудь познакомиться, то не замечаю, как слюни у меня изо рта текут. И если кто-то до этого и обращал на меня внимание, то, увидев, как мои слюни падают в тарелку, напрочь утрачивали ко мне интерес...»

Печаль

Начальство попросило – и Эдик обзавёлся семьёй. Через год его жена Катя родила первенца, ещё через год девочку, и стали они жить вчетвером – Эдик, Катя и дети-погодки, Витя и Вера. Жили они в квартире с двумя комнатами, а ещё снимали дачу, чтобы дети могли на свежем воздухе побегать. Катя работала на хлебозаводе начальником цеха. Эдик в ней души не чаял. Симпатичная, весёлая, хозяйка отменная. Всегда в доме слышен был её веселый, заразительный смех, и голос у неё был в первые годы очень приятный, нежный, тёплый.

Единственный недостаток – чувственность у Кати отсутствовала вовсе. То ли природа её обошла, то ли Эдик эту природу не смог расшевелить, хотя у него-то этого добра было с избытком!

Но вся эта история с «природой» сейчас уже в прошлом. Когда младшенькой исполнилось три года, Верочка подхватила какую-то инфекцию, долго болела, девочку чудом выжили, и это исцеление сильно сказалось на настроении жены Эдика.

Катя ударилась в веру. Сначала пыталась насчёт загробной жизни с Эдиком поговорить, спрашивала: «Что, ты думаешь, будет после смерти?..» Он, как человек, в поповские небывлицы не верящий, отвечал прямо: «Праздник будет у червей». «Нет, я не согласная, – отвечала Катя. – Тебя, если ты хочешь, пусть черви съедят», – а сама стала думать, как бы ей, может быть, в каком-то другом виде, но пожить и после смерти, и начала Катя искать пути к этому.

Зерно, как вскоре выяснилось, упало на благодатную почву. Нашёлся на хлебозаводе один шибко верующий еврей, бухгалтер. Рассказчик он очень хороший, а жена у Эдика – девушка впечатлительная, жадная до сказок, наслушалась этого еврея и выбрала «свой путь». В первую очередь отсеклась от секса и свинины. Эдик ей: «Я любовницу найду!», – она: «Ищи». Понятное дело, ей-то теперь земные радости ни к чему!

Эдик пытался возражать против такой скучной жизни. Вооружившись книгами по антропологии и сексологии, он убеждал свою благоверную в том, что такое её поведение природой и наукой не оправданно. Он до последнего надеялся, что, в конце концов, Катя позовёт его к себе и откроет доступ его грустному пенису в своё женское лоно – но услышал такое в свой адрес!.. – Оказывается, он теперь в её представлении вроде как заместитель сатаны, искушитель!

С той поры жизнь у Эдика круто изменилась. По пятницам в доме свечи горят, везде атрибутика, календари и книжки еврейские по всем углам стоят. Сметану она теперь Эдику с сыном в пельмени не кладёт: законы Кашрута не позволяют. По субботам телефон отключает. Работать евреям в этот день не положено. И хотя Катя русская и даже с детства православная по крещению, в её голове всё это как-то дружно уживается. Все с хлебозавода теперь звонят по субботам Эдику, он передаёт трубку жене, и она решает свои рабочие вопросы по его телефону – в то время как её телефон по субботам не работает.

Все эти ритуальные пляски продолжались уже несколько лет. Жена Эдика сильно изменилась. Часто стала задумываться, неласковая стала. Как-то раз Эдик решил вернуться к теме любви, так она категорически: «Любить можно только Всевышнего!»

На дачу приедет, вечером пойдёт на берег, сядет на скамеечку и смотрит, смотрит вдаль, думает о вечном...

И сидит так, пока не замёрзнет. Только тогда несёт свои бранные косточки домой.

Китай: опыт первый

Тем временем наступили лихие времена, пришли те самые «девяностые». Бюджетные деньги стали куда-то пропадать, и появились первые «челноки», сновавшие туда-обратно в стремлении хоть что-то заработать.

С подачи Эдика, прознавшего про «лёгкие деньги челнока», я тоже решил с ним ехать в Китай. Вот только если Эдик поехал за счёт отпускных, я решил вообще уволиться из милиции, тем более что выслуга лет для пенсии за счёт «боевых» у меня уже была. Можно было бы, конечно, ещё поработать, но зарплату стали всё чаще задерживать, перспектива получить очередное звание грела мало – тогда как за пределами отдела, где я работал, жизнь кипела. Свобода предпринимательства в мире дефицита всего, что только можно себе представить, в одночасье делала удачливых людей богатыми и счастливыми.

Уволившись, я поменял все полученные рубли на валюту и собрался в путь. Но перед самой дорогой Эдик узнал, что в Китае очень ценятся военные шинели – из-за хорошего качества натурального сукна. «Они там их на пальто перешивают и за одну шинель дают несколько пуховиков», – пояснял сведущий друг. У Эдика для поездки денег было совсем ничего, и я по-дружески решил организовать ему встречу с милиционерами. Эдик посулил моим бывшим сослуживцам по пуховику за шинель, и желающих совершить такой выгодный обмен оказалось даже больше, чем Эдик мог унести, а некоторые ещё и сапоги принесли. Отказывать Эдик никому не стал, пообещал в три захода всех обеспечить китайскими пуховиками.

Происходило всё это накануне Дня милиции, как раз перед смотром личного состава областного управления Министерства внутренних дел. Выстроились милиционеры – все в старых замызганных шинелях и стоптанных сапогах. Напоминали отряд партизан, вышедший из боя. «Вам же всё новое только что выдали! Где?!» – громогласно вопрошал генерал. Один, который донос на меня писал, и выдал: «Так замполит бывший приходил, всё новое у всех собрал – и в Китай увёз...» После этого смотра начальник дал указание, чтобы ноги моей больше ни в одном отделе милиции не было!

И вот Эдик идёт по улице маленького приграничного китайского городка на берегу Амура – Суй Фень Хэ. Вид у него был растерянный, со лба капает пот. На шее висят яловые сапоги, в левой руке охапка милицейских шинелей, а в правой, помимо шинелей, ещё несколько пар новеньких сапог... И никому он не нужен, никто к нему не подходит и не предлагает меняться.

Время поджимает, на всё про всё у Эдика два часа, после чего пароход отчаливает в обратный путь. Эдик уже и поближе к китайцам решил идти, но они копошатся у своих домиков, смотрят на него любопытным взглядом, но интереса к милицейской амуниции не проявляют.

Эдик совсем пал духом. И тут услышал за спиной приветствие на русском языке. Обернулся – а это оказался русский парень. Он там, в силу неизвестных обстоятельств, давно живёт и прекрасно говорит на китайском языке. Оценив ситуацию, он сказал, что Эдик не туда пришёл и предложил идти за ним. Эдик обрадовался такой удаче, что купил по наводке нового знакомого огромную коробку с перчатками, которую с трудом приволок на пристань, а открыв её дома, при ближайшем рассмотрении увидел, что у перчаток по шесть пальцев. Это был серьёзный облом! Эдик вложил в эту закупку все свои сбережения. Он принялся названивать своему «китайскому другу», но тот его утешил: «Ладно, мол, больше не меньше. Будешь продавать со скидкой».

На самом деле, таких случаев обмана было сколько угодно. Китайцы пользовались нашей неопытностью. Их бумажные юани по аналогии – как наши рубли, а были ещё и мелкие деньги, типа наших копеек, но внешне эти «китайские копейки» очень похожи на юани. Кроме

китайских иероглифов на них ничего нет, китайцы пользовались этой схожестью, и очень часто неопытные, но уже «новые» русские на это покупались, меняя трудом добытые доллары на китайские копейки.

Китайский ширпотреб зачастую делается заключёнными в зонах отбывания сроков, и они порой, то ли чтобы приколоться, то ли неосознанно допускали ужасающий брак. И вот эти вещи по дешёвке скупались китайскими торговцами, которые перепродавали их русским челнокам. Образцы-то у них «для демонстрации товара» всегда правильные, а вот в упаковках – брак, поэтому нужно было быть очень внимательным. А так как времени на сделку было мало, нужно было успеть на пароход, чтобы вернуться на свою сторону границы, то челноки зачастую пренебрегали тщательным досмотром и обнаруживали приобретённый неликвид уже дома. Именно так произошло и с Эдиком.

У меня же ситуация сложилась совсем не драматично, скорее, наоборот. Высадившись в незнакомом месте, мы не знали, куда идти и решили разделить. Я пошёл в сторону высоких домов и не прогадал. Там оказался торговый центр, где я совершил выгодную сделку, купив дефицитные у нас пуховики, которые впоследствии продал оптовикам на рынке, неплохо заработав.

Операция «Ус», или Новые приключения Эдика

Вскоре у нас состоялась вторая поездка. Эдику на сей раз пришлось уволиться из милиции, чтобы всего себя посвятить челночному бизнесу. Он, как настоящий мужчина, стремился обеспечивать свою семью и много зарабатывать, но вы уже знаете, что его жена Катя посвятила себя еврейскому богу, отвергла сексуальные домогательства мужа, а потому перегретый по поводу нереализуемой страсти Эдик подсознательно был готов выбрать «безошибочно правильный бизнес», вписывающийся в его супружескую беду. Именно это и случилось.

Китай – страна, где количество рождаемых детей регулируется государством. Больше одного на семью нельзя. А это, в свою очередь, привело к развитию контрацепции. Была даже принята специальная программа на правительственном уровне, и индустрия презервативов развивалась столь ускоренными темпами, что достигла уровня, когда контрацептивы стали вовсе дешёвыми и доступными даже самым бедным слоям населения.

Когда Эдик об этом узнал, то решил, что мимо такого «клондайка» он уж точно не пройдёт, ведь в России хороший презерватив стоил в десять раз дороже – и более лёгких денег он больше ни на чём не заработает! Масштабы планируемого навару – тысяча процентов прибыли на единицу реализуемой продукции! – так подействовали на Эдика, что он, не задумываясь, вложил все, все, все деньги, собранные в долг у родственников и знакомых, в свой проект «Китайский контрацептив». И это ещё с учётом его предыдущей неудачи, за которую ему нужно было расплатиться, и под погашение которой он тоже занял денег. Но Эдик решил, что через «Китайский контрацептив» он не только покроет все убытки, но ещё и получит немалую прибыль.

На сей раз Эдик подошёл к делу обстоятельно. Во-первых, он купил оптом презервативы. Не простые, а с усиками. Решил удивить российский народ необычным продуктом китайской интимной промышленности. На складе китайского поставщика он пересчитал все презервативы – а их количество измерялось в тысячах! Выборочно проверил и пересчитал количество усиков. Даже ушлые китайцы удивились такому основательному подходу... На сей раз было всё без обмана – и количество изделий, и усики – всё было на месте.

И вот мы едем домой. Эдик всю дорогу молчит, и мне его молчание понятно. Для него это занятие – вроде отдушины, так как дома было совсем невыносимо. Вот и сейчас – он на пути к дому, а на душе кошки скребут: мысли о достатке, жене и детях полностью поглотили Эдика. Постепенно от мыслей о сегодняшнем дне он перешёл к воспоминаниям о днях минувших, когда счастье жить рядом, дышать одним воздухом с Катей переполняло его. Огромная тоска по жене, её любящим глазам, улыбке, ласковым рукам стала съедать его. Эдик решил написать SMS. Долго думал, как выразить свои чувства. В последнее время всякий намёк на лирику отвергался женой напрочь: разговор был очень краткий, жёсткий, деловой, исключавший всякие сантименты, словно она не на Земле живёт, а отбывает здесь вынужденную короткую пересадку в иной, уготованный ей лучший мир.

Эдик решил подойти издали. Гипотетически. Как бы не напрямую. Не материально. «Можно я тебя мысленно поцелую?» – осторожно сделал свой первый заход Эдик и стал ждать ответ. Ответа не было. «Наверное, – рассуждает Эдик, – она думает так: разрешу ему мысленно меня поцеловать, так он ещё чего-нибудь мысленно захочет...»

«Блин, – продолжает мучить себя Эдик, – она же «о вечном», а я к ней с такими крамольными мыслями...», – Эдик решает извиниться за свои нехорошие мысли. Но ответа всё равно нет. «Может, она в психушку попала, и у неё там телефон отобрали?» – испугался Эдик. Не спал всю ночь, переживал...

Наутро приходит SMS от Кати: «Приедешь, сразу домой». Ни слова о вчерашнем послании! Видимо, у неё перлюстрация такая в голове выработалась: всё, что не касается дела, как

ненужный хлам отбрасывается в сторону. «Да, – подумал Эдик, – изящная словесность у неё и раньше не была сильной стороной, но, по крайней мере, слово „целую“ всегда присутствовало в конце. Тёплое слово ведь и кошке приятно...» Но тепла не было, «целую» в конце короткого послания тоже не было, и весной в их отношениях не пахло.

Наконец Эдик добрался до дому, открывает дверь в квартиру. Дети бросились на шею. Эдик давай их обнимать, целовать – аж слёзы на глазах выступили... Поначалу Эдик с детьми не был особенно ласковым. Его мама была женщиной во всех отношениях правильной: в доме всегда чисто, тепло, вкусно. Пахала на трёх работах, чтобы дитя, которого она поднимала одна, ни в чём не нуждалось. А вот на ласку и на то, чтобы пожалеть, приголубить, сил её уже не хватало. Поэтому, став отцом, Эдик не сразу научился ладить с детьми.

Этому его учила Катя. Как любовница, она была женщиной «отстань, устала», зато мамкой была отменной. Всё тепло души, о котором мечтал Эдик, доставалось Вите и Вере. Эдик наблюдал за этим – и учился быть таким же заботливым и ласковым родителем.

Сначала он не понимал, о чём можно говорить с детьми, даже сказок никаких не знал. Попросила его как-то раз Катя рассказать детям на ночь сказку, ну он и давай – вместо сказки историю из тарантиновского фильма рассказывать. Пришёл, мол, один крутой ковбой в бар и поспорил с барменом, что помочится с пяти метров в стакан – и не прольёт ни капли. Залил своей мочой всё кругом – столы, стойку, бармена, – а в стакан так и не попал... Дети замерли от восторга. Но тут мимо детской проходила Катя, остановилась и стала слушать, что там её мужёнок детям вещает. Послушала минуты две, вошла – и с порога объявила, что сказка неинтересная, и она знает лучше.

Ага, да-да! Была бы «сказка» неинтересная, так дети на следующий день, когда Катька ушла на работу, не просили бы папу дальше рассказать! А как они смеялись! После сказок, что их мама рассказывает, они *так* ни разу не смеялись...

А Катя после тарантиновской сказки Эдику выговор сделала: взяла в руку половую тряпку и предупредила, что если дети завтра в садике всё обоссут, то она лично приведёт его с этой тряпкой в сад – и он там будет все лужи, все полы до блеска оттирать!..

Но перенесёмся в следующий день после приезда Эдика из Китая – с его объёмным «уսа-тым» грузом, спасавшим Поднебесную от переизбытка населения. Возникла серьёзная проблема с товаром: как продавать? Эдик хотел оптом сдать всё в аптеку, да не тут-то было. Сунулся в одну, сунулся в другую – везде требуют сертификат. Естественно, ни о каком документальном сопровождении наших покупок не было и речи. Всё покупалось в спешке, на рынке, «с колёс».

Эдик не на шутку загрустил. Долги надо отдавать, да и прибыль хотелось уже получить. Я предложил: «Дуй на рынок и сам продавай. Так скорее свои деньги отобьёшь». Эдик мне: «Так они же в упаковке, усиков-то не видно – а вся фишка в них!»

Мы снова задумались, но ненадолго. Эдику пришла новая маркетинговая идея: «Сделаю макет и буду ходить по рынку – всем всё будет наглядно видно и понятно».

Где-то около трёх часов следующего дня звонит мой домашний телефон – слышу встревоженный голос Эдика: просит помочь. Его загребли в милицию с формулировкой «сексуальные домогательства в общественном месте», то есть на рынке... Используя свои старые и нерушимые связи, я помог вызволить из застенка своего друга, но больше Эдик на рынок не ходил. И вообще куда-то пропал, на звонки не отвечал.

Я же ещё несколько раз безуспешно съездил в Китай, а затем устроился агентом в фирму по изготовлению из оникса всевозможных изделий, включая дорогие отделочные материалы, много путешествовал по миру, заключал контракты по закупке этого красивого камня. Много где побывал и в своей стране, сбывая готовую продукцию.

Через год я встретил Эдика. Случайно. В продуктовом магазине... Разговорились. Эдик челночным бизнесом больше не занимается. Устроился продавцом. В магазин секс-игрушек.

Видимо, каким-то образом повлияла на это его последняя закупка. Получает хорошую ставку, плюс проценты от продаж.

«А куда презервативы дел?» – спросил я.

«Да никуда. Продаю потихоньку в магазине, пока начальство не видит. Канитель только с ними, – с грустью произнёс Эдик, – усики приходится отрезать: покупателям не нравится, пугают они их».

Удивительные рядом: Близнецы

После нескольких моих удачных сделок и повышения Ларисы до звания начальника следственного управления у нас появилось достаточно денег, чтобы позволить себе, планируя отпуск, не выискивать «бюджетные» варианты, а выбирать роскошный отдых. Мы с Ларисой решили изменить привычному направлению в Турцию – и отправились отдыхать в Арабские Эмираты. Был месяц май. Погода там в это время, как правило, благоприятная – нет сильных ветров, нет и изнуряющей жары.

Прилетели, добрались до отеля, оформляемся для заселения на «ресепшн». Нас много: дочь Маша – двенадцать лет, два шестилетних брата-близнеца, Саша с Серёжей, я и жена Лариса.

«Вопросы есть?» – с дежурной улыбкой спрашивает миловидная русско-говорящая девушка, менеджер отеля.

«Да, – подал голос Саша. – У вас огнетушитель есть?»

Не чувствуя подвоха, девушка с удивлением посмотрела на нашего сына: «Есть. А зачем он тебе, мальчик?»

«Серёга будет поджигать, а я тушить!» – это юмор такой у моих сыновей. Точнее, у одного из них – у Сашки. Серёга, наоборот, чрезвычайно серьёзен, доверчив и наивен. В прошлом году все трое купались в море, на пляже Кемера. Пацаны вышли, а Машка замешкалась. Сергей спрашивает: «А где Маша?» Я решил пошутить: «Утонула». Серёга сделал круглые глаза и в ужасе кричит Сашке: «Маша утонула!» – Саша спокойным тоном: «Наконец-то!»

Братья отличаются не только в этом. Серёжа любит порядок во всём. У него каждая вещь на своём месте, кровать тщательно заправлена, одежда аккуратно разложена по полочкам, все игрушки на месте. В Сашкиной же комнате вечно кавардак, и сколько бы мы ни пытались приучить его к порядку, всё безуспешно.

Сергей обидчив, часто расстраивается по пустякам и плачет, но слёзы его недолгие. Саша же плачет редко, но по самым неожиданным поводам – отчаянно, пронзительно и подолгу. Так было и в тот год, когда мы отдали близнецов в подготовительный класс, а на выходные отправились на дачу. Едем на машине, братья сидят на заднем сидении. Сергей, как всегда, без умолку болтает, комментируя всё происходящее за окном. Саша о чём-то сосредоточенно думает и недовольно поглядывает на братика. Наконец Сашка не выдержал: «Хватит болтать! Ты мешаешь мне думать!»

Сергей заинтересованно: «Ты – думаешь? А о чём?»

Сашка: «Тебе Марина Анатольевна нравится?» (Марина Анатольевна – учительница в их подготовительном классе).

Сергей: «Да. А тебе?»

«Мне – очень!»

Через минуту Саша спрашивает у впереди сидящей Ларисы: «Мама, у Марины Анатольевны есть муж?»

«Кажется, нет. А зачем тебе?»

«Да я бы на ней жениться хотел! Только ты ей не говори, пусть это будет для неё сюрприз!»

Серёга, услышав, такую предательскую наглость, громко вопит: «Нет! Это я! Это я, это я хочу!»

Сашка ворчливо: «Вечно, чего мне надо, то и тебе сразу надо!»

Серёга насупился. Долго молчал, а потом выдал: «Я скажу Марине Анатольевне, что ты попу не умеешь вытирать!»

Сашка зарыдал. Горе его было безмерным. Жизнь кончилась! Все уговоры были тщетны. Так и ревел всю дорогу, пока не приехали на дачу...

Первое утро в арабском отеле встретило нас ослепительным солнечным светом, и мы с хорошим настроением, быстренько позавтракав, направились к заливу. Сверкающие магазины с детскими игрушками, выстроившиеся на пути нашего следования, дети игнорировали напрочь. На пляже мы с Ларисой расположились под зонтиком. Маша, сделав вид, что она тут вообще сама по себе, направилась к бассейну, ребята же, оставаясь в пределах нашей видимости, начали исследовать пляжную территорию.

Через полчаса возвращаются, держа в руках старый башмак, сломанный черенок от лопаты, кожаную подошву и метровую бамбуковую палку. Со всем этим добром они начали так самозабвенно играть, что соседние дети со своими новенькими пластмассовыми машинками, сначала с интересом, а потом и с завистью поглядывали на наших близнецов – чего не скажешь о их родителях, чьи недоуменные взгляды мы не раз перехватывали. Через два часа начался активный обмен имуществом – и вот, в руках у наших пацанов новенькая сверкающая на солнце автотехника. К вечеру, наигравшись, и к неудовольствию их новых друзей, совершается обратный обмен, и мы отправляемся на ужин. Из опасения, что уборщики выбросят с пляжа их ценные находки, парни тащат весь этот хлам в наш пятизвёздочный дворец, чтобы спрятать всё в номере – и на сей раз мы ловим на себе изумлённые взгляды обслуживающего персонала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.